

ТИПЫ

ИЗЪ
„Мертвыхъ Душъ“

Рисунки П. БОКЛЕВСКАГО.

МК
Кл Д

ТИПЫ

ИЗЪ ПОЭМЫ

Н. В. ГОГОЛЯ

МЕРТВЫЯ ДУШИ

РИСОВАННЫЯ ХУДОЖНИКОМЪ

ПЕТРОМЪ МИХАЙЛОВИЧЕМЪ БОКЛЕВСКИМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ Л. БѢЛЬСКАГО.

ФОТОТИПИИ О. РЕНАРЪ.

МОСКВА
ИЗДАНИЕ В. Г. ГОТЪЕ
1895

Дозволено цензурою. Москва 7 октября 1894 г.

Товарищество типографіи А. И. Мамонтова, въ Москвѣ.

„Все, что касается такого произведения, какъ „Мертвыя души“ Гоголя, безъ сомнѣнія, достойно полного вниманія каждаго образованнаго русскаго человѣка“, говоритъ г. Лѣсковъ. „Къ изданію этого литературнаго произведенія ближе многого касаются его иллюстраціи, имѣющія своей задачей восполнить художественное впечатлѣніе текста посредствомъ графическихъ изображеній, воспроизводящихъ описанныя авторомъ лица и бытовую обстановку жизни тогдашняго времени. Поэтому иллюстрація къ литературному произведенію такого большаго значенія, какъ „Мертвыя души“, должны быть очень дороги для народа, изъ котораго вышелъ данный крупный писатель, и образованнымъ людямъ въ этомъ народѣ слѣдуетъ знать, что относится ко всѣмъ попыткамъ представить извѣстное произведеніе въ лицахъ и обстановкѣ“.

Предлагаемое изданіе имѣетъ цѣлью дать новое и полнѣйшее собраніе рисунковъ г. Боклевскаго къ знаменитой поэмѣ Гоголя. До сихъ поръ въ „Альбомѣ Гоголевскихъ типовъ“ было помѣщено только 26 рисунковъ изъ „Мертвыхъ душъ“, теперь издается 34, причемъ ни одинъ изъ нихъ не представляетъ повторенія прежнихъ: всѣ они впервые появляются въ свѣтъ. Г. Боклевскій въ своемъ художественномъ портфелѣ давно уже имѣлъ „типы изъ Мертвыхъ душъ“ въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ съ одною публика знакома по „Альбому“, другая предлагается здѣсь. Кромѣ желанія выпустить въ свѣтъ еще неизвѣстныя доселѣ произведенія талантливаго художника, къ этому изданію побуждало и то обстоятельство, что „Альбомъ“ изданъ былъ въ видѣ гравюръ, недостаточно художественныхъ, чтобы вполне передать тонкую карандашную работу г. Боклевскаго. Многое, что не удовлетворяло въ „Альбомѣ“, приписывалось ошибочно автору, хотя зависѣло исключительно отъ способа изданія. Работа художника отличается такою тонкостью отдѣлки, которая требуетъ чрезвычайно точной передачи, единственно возможной при фототипическомъ способѣ. Г. Ренаръ приложилъ всѣ усилія для того, чтобы фототипіи передали рисунки какъ можно ближе къ оригиналу. Если въ нихъ встрѣчается иногда нѣкоторая блѣдность, или недостаточная отчетливость, то это зависитъ отъ состоянія оригиналовъ въ настоящее время. Г. Боклевскій хранилъ ихъ въ своемъ портфелѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и немудрено, что за столько времени карандашъ утратилъ первоначальную свѣжесть. Но издавать ихъ гравировальнымъ способомъ—значило бы неизбежно измѣнять что-либо въ работѣ уважаемаго художника. Г. Боклевскій былъ воспитанникомъ Московскаго Университета, (одновременно съ графомъ Деляновымъ и академикомъ Ѳ. И. Буслаевымъ) и былъ извѣстенъ между товарищами своими бойкими карриатурами. Отъ природы одаренный художественнымъ талантомъ, онъ воспиталъ его подъ вліяніемъ эстетическаго направленія сороковыхъ годовъ, когда и университетъ имѣлъ въ своей средѣ горячаго поклонника и ученаго толкователя искусства—профессора Шевырева. Сороковые года наложили свою благотворную печать на его работу. Какъ современникъ Гоголя, нашъ художникъ могъ вполне живо иллюстрировать поэму, типы которой

были передъ его глазами въ русской жизни того времени. Его карандашъ—весьма важное дополненіе къ перу Гоголя, весьма важное „свидѣтельство очевидца“. Не говоря уже о томъ, что хорошія иллюстраціи вообще уясняютъ печатное произведеніе, даютъ возможность полнѣе и всестороннѣе вникнуть въ него,—иллюстраціи современника къ поэтическому произведенію очерчиваютъ рельефнѣе изображаемыхъ поэтомъ лицъ, дѣлаютъ ихъ жизненнѣе и даютъ возможность намъ какъ-бы воочию видѣть ихъ. При чтеніи юмористическихъ произведеній Гоголя можетъ возникнуть мысль о нѣкоторой утрировкѣ въ изображеніи тогдашнихъ типовъ. Но вотъ художникъ-современникъ даетъ намъ типы карандашомъ: они согласны съ поэмой и не только не смягчаютъ ея штриховъ, но иногда даже усиливаетъ ихъ. При разсмотрѣніи типовъ г. Боклевскаго можетъ возникнуть такое же предположеніе о нѣкоторой утрировкѣ. Можетъ быть, кое гдѣ она и есть, но въ общемъ это согласіе художника съ поэтомъ не есть ли свидѣтельство, что поэтъ былъ гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ нѣкоторые думаютъ, и что мы слишкомъ уже далеки отъ той жизни, которую онъ изображаетъ, настолько далеки, что намъ уже трудно ее себѣ представить, и мы считаемъ за утрировку то, что въ свое время было вѣрнымъ отраженіемъ жизни? На изданіе рисунковъ г. Боклевскаго должно смотрѣть, какъ на необходимый долгъ по отношенію къ великому нашему поэту. Читатели „Мертвыхъ душъ“, познакомившись съ этими рисунками, еще глубже проникнутся идеей безсмертной поэмы, еще живѣе почувствуютъ тѣ слезы, которыхъ не видѣлъ міръ сквозь смѣхъ поэта, еще яснѣе представятъ себѣ мрачную картину тогдашней жизни. Пересмотрите предлагаемые рисунки, вообразите, что васъ окружаютъ изображенные на нихъ лица, и вы придете въ ужасъ. Плутство, хищничество, обжорство, пьянство, шулерство, скряжничество, лѣнь, чванство, и повсюду невѣжество, глупость и тупость—вотъ что написано на этихъ лицахъ. Ни одного свѣтлаго, честнаго, благороднаго лица. И здѣсь, какъ въ „Ревизорѣ“, честное лицо — смѣхъ, который вырывается невольно при взглядѣ на это зеркало „добраго стараго времени“, можетъ быть, впрочемъ, далеко еще не исчезнушаго безслѣдно.... И Гоголь, и Боклевскій жили между этими лицами, художественнымъ чутьемъ глубоко понимали ихъ и уже не щадили на нихъ рѣзкихъ штриховъ. Взгляните на этого Чичикова, на его скошенный на васъ взглядъ, въ которомъ такъ и свѣтитесь лицемѣріе, низкіе расчеты, низкая жадная душа. Посмотрите на цѣлый рядъ всевозможныхъ тогдашнихъ начальниковъ—вы видите, что всѣ они умѣютъ придать себѣ начальнической видъ, за которымъ ясно чувствуется пустота мысли и отсутствіе простой человѣчности. Этотъ топорный, огромный Собакевичъ—просто ужасенъ своей грубостью и алчностью. Тѣнѣтниковъ, этотъ прототипъ Обломова,—едва смотритъ заплывшими отъ сна глазами; на немъ такъ и написана лѣнь и полное безсиліе при всѣхъ хорошихъ стремленіяхъ: онъ жалокъ, и страшно за страну, въ которой можетъ быть много такихъ непригожихъ для дѣла людей. А Маниловъ? Онъ недуренъ, даже красивъ; но ни одной благородной мысли не написано на его лицѣ. Вотъ красавица — барыня, безспорно, пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, но въ ней не видно и тѣни честной женственности. Губернаторская дочка, при всей своей миловидности, кажется, такъ вамъ и говоритъ: „я ничего не понимаю“. Этотъ „арбузъ“—Пѣтухъ—онъ, кажется, готовъ лопнуть отъ жира, онъ ужасенъ своей почти нечеловѣческой толщиной,—но развѣ много въ немъ было человѣческаго? Да изъ всѣхъ этихъ типовъ развѣ Гоголь изобразилъ хоть одного съ „мыслью высокой: „я человѣкъ!“ „Если заслуга со стороны писателя, говоритъ Стоюнинъ, представить живые типы своего времени, то такая же заслуга и со стороны художника нарисовать типическіе фізіономіи того же времени и представить передъ нами тѣ лица, о которыхъ знаемъ мы по рассказамъ писателя, но которыхъ не видѣли во-очию. Такіе портреты могутъ способствовать психологическому изученію человѣка и, слѣдовательно, имѣть воспитательное значеніе...

Здѣсь недостаточно было изучить самые типы, созданные Гоголемъ, но нужно было изучать фizioноміи живыхъ лицъ въ той средѣ, которую изображалъ писатель, отыскивать въ нихъ тѣ черты, въ которыхъ отражалась многолѣтняя работа въ ихъ душахъ. Эти фizioноміи не повторяются съ каждымъ поколѣніемъ, хотя ихъ облики могутъ быть родовыми или наслѣдственными. Мнѣ кажется, въ настоящее время встрѣчаются уже не такъ часто тѣ фizioноміи, которыя припоминаются изъ сферы крѣпостнической или изъ среды стараго, забытаго мелкаго чиновничества“. И славу Богу, что не встрѣчаются, прибавимъ мы. Будемъ надѣяться, что настанетъ счастливое время, когда онѣ совершенно исчезнутъ съ лица русской земли, и что будущему таланту не придется высказывать свою сердечную грусть въ жалобахъ, въ какихъ высказывается Гоголь: „Другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать все, что ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи,— всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи!... Не признаетъ сего современный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношеніе непризнанному писателю: безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участія, какъ безсемейный путникъ, останется онъ посреди дороги.... И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно - несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы!“

Остается сказать нѣсколько словъ о передачѣ рисунковъ въ этомъ изданіи и о подписяхъ къ нимъ. Порядокъ сохраненъ тотъ, въ какомъ рисунки слѣдуютъ въ оригиналахъ г. Боклевскаго, помѣстившаго ихъ соотвѣтственно ходу дѣйствія въ поэмѣ.

Въ первый разъ выходитъ въ свѣтъ 11 новыхъ рисунковъ: губернаторъ, полицей-мейстеръ, предсѣдатель палаты, прокуроръ, почтмейстеръ, губернаторская дочка, дама, пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, Онуфрій Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ, буфетчикъ Григорій, Перфильевна и Вишнепокромовъ. Въ новой редакціи нѣтъ находящихся въ „Альбомѣ Гоголевскихъ типовъ“ четырехъ рисунковъ: корявой старушонки, Муразова, Хлобуева и губернскаго Олимпа. Что касается подписей, то часть ихъ взята изъ сдѣланныхъ самимъ Боклевскимъ, большинство же выбрано изъ поэмы по возможности такихъ, которыя передаютъ моментъ, изображенный на рисункѣ. Послѣдніе взяты изъ 10-го изданія 1889 года по тексту, проверенному Н. С. Тихонравовымъ.

Л. Бѣльскій.

ГОГОЛЬ

Письма

ИЗЪ

„МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“

РИСУНКИ П. БОКЛЕВСКАГО.

· ФОТО-ЭЛЕКТРОТИПІЯ * ОТТО РЕНАРЪ.

Москва.

I

Павелъ Ивановичъ Чичиковъ.

«Ни слишкомъ толстъ, ни слишкомъ тонокъ; нельзя
сказать, чтобы старъ, однакожъ и не такъ, чтобы
слишкомъ молодъ» (3).

II

ПЕТРУШКА,
лакей Чичикова. «Малый лѣтъ тридцати, немного суровый
на взглядъ, имѣлъ, по обычаю людей своего званія, крупный
носъ и губы» (16).

III

Селифанъ,
кучеръ Чичикова. «Низенькій человѣкъ въ тулупчикѣ....
Породистыя дѣвки заставляли его по нѣсколькимъ часамъ
стоять вороной» (9).

IV

Губернаторъ.

«Былъ ни толстъ, ни тонокъ собой, имѣлъ на шеѣ Анну;
впрочемъ, былъ большой добрякъ и даже самъ вышивалъ
иногда по тюлю» (10).

v

Полицеймейстеръ,
«отецъ и благодѣтель города» (197).

VI

Председатель палаты,
«весьма разсудительный и любезный человекъ» (12).

VII

ПРОКУРОРЪ

«съ весьма черными густыми бровями и нѣсколько подми-
гивавшимъ лѣвымъ глазомъ, человекъ, впрочемъ, серьезный
и молчаливый» (12).

ГБЕРНСКІЙ ПОЧТМЕЙСТЕРЪ,
«низенькій чевѣкъ, но острякъ и философъ. Онъ одинъ
не измѣнялся въ постоянно ровномъ характерѣ и... имѣлъ
обыкновеніе говорить: «Знаемъ мы васъ, генераль-губерна-
торовъ! Васъ, можетъ быть, три, четыре перемѣнится, а я вотъ
ужъ 30 лѣтъ, судырь мой, сижу на одномъ мѣстѣ» (197).

IX

Маниловъ.

«Люди такъ себѣ, ни то, ни сѣ, ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ, по словамъ пословицы. Можетъ быть, къ нимъ слѣдуетъ примкнуть Манилова. Черты лица его были не лишены пріятности, но въ эту пріятность, казалось, черезчуръ было передано сахару» (20).

х

Приказчикъ Манилова.

«Лицо его глядѣло какою-то пухлою полнотою... маленькіе глаза показывали, что онъ зналъ слишкомъ хорошо, что такое пуховики и перины» (29).

XI

Настасья Петровна Коробочка.

«Одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неурожаи, убытки... Чорта помѣщица испугалась необыкновенно. «Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ!» вскрикнула она (51).

ХII

Фетинья,
горничная Коробочки.

ХІІІ

Иванъ Петровичъ,
правитель канцеляріи въ тридевятомъ государствѣ, въ
видѣ орла, когда является предъ подчиненными. «Прошу
посмотрѣть на него, когда онъ сидитъ среди своихъ подчи-
ненныхъ—да просто отъ страха и слова не вымолвишь» (46).

Ноздревъ,

разбитной малый, довольно часто являющійся объ одной только бакенбардѣ, другую же ему выдирали за излишнюю беззаѣмчивость въ карточной игрѣ. «Ноздревъ захохоталъ тѣмъ звонкимъ смѣхомъ, какимъ заливается только свѣжій, здоровый человѣкъ, у котораго все до послѣдняго выказываются бѣлые, какъ сахаръ, зубы» (63).

XV

М и ж у е в ъ,
зять Ноздрева, оетюкъ. «Лицомъ худошавый, или что
называютъ, издержанный» (60).

XVI

ГУБЕРНАТОРСКАЯ ДОЧКА.

«Институтка, только что выпущена.... Хорошенькій овалъ
лица ея круглился, какъ свѣженькое яичко» (87).

xvii

Михайло Семеновичъ Собакевичъ.

«Я ихъ знаю всѣхъ: (сказалъ онъ) это все мошенники: весь городъ тамъ такой.... Одинъ тамъ только и есть порядочный человѣкъ прокуроръ, да и тотъ, если сказать правду, свинья» (94).

ХVIII

Плюшкинъ.

«По висѣвшимъ у нея за поясомъ ключамъ и потому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это, вѣрно, ключница» (111).

Иванъ Антоновичъ,
кувшинное рыло, канцелярскій чиновникъ у крѣпостныхъ
дѣлъ. «Вся середина лица выступала впередъ и пошла къ
носу.... Иванъ Антоновичъ уже запустилъ одинъ глазъ
назадъ и оглянулъ ихъ искоса» (140).

xx

Д а м а,

пріятная во всѣхъ отношеніяхъ. «Это названіе она пріобрѣла законнымъ образомъ, ибо, точно, ничего не пожалѣла, чтобы сдѣлаться любезною въ послѣдней степени, хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась, ухъ, какая юркая прыть женскаго характера! и хотя подчасъ въ пріятномъ словѣ ся торчала — ухъ, какая булавка! (178)

XXI

Капитанъ Копѣйкинъ,
«простная голова, человѣкъ назойливый, наянъ эдакой....
всѣхъ распушилъ» (199).

XXII

Н а ч а л ь н и к ъ .

«Ну.... можете представить себѣ — начальникъ! въ лицѣ, такъ сказать.... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете.... съ чиномъ.... такое и выраженіе, понимаете» (201).

xxiii

Учитель Чичикова,
педагогъ прежняго времени. «Способности и дарованія —
это все вздоръ!» говаривалъ онъ: «я смотрю только на
поведеніе» (227).

XXIV

Престарѣлый повытчикъ.
«Это былъ образъ какой-то безчувственности и
непотрясаемости» (228).

xxv

Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ.

«Просто коптитель неба.... принадлежалъ къ семейству тѣхъ людей, которыхъ на Руси много, которымъ имена: увальни, лежебоки, байбаки и т. п. Проводилъ время одинъ одише-шенекъ, сидѣлъ сиднемъ, въ халатѣ, безъ галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться вверхъ.... не хотѣлось растворять окна затѣмъ, чтобы забрать свѣжаго воздуха въ комнату» (283).

XXVI

Онуфрій Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ,
дядя Андрея Ивановича. «Онъ объявилъ, что главное дѣло—
въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ либо другомъ, что безъ
этого не попадешь ни въ министры, ни въ государственные
люди». (287) «Дѣйствительный статскій совѣтникъ остался съ
открытымъ ртомъ отъ изумленія» (290).

xxvii

Приказчикъ А. И. Тѣнтѣтникова.
«Приказчикъ былъ, точно, баба и дуракъ со всѣми качествами
дрянного приказчика» (292).

XXVIII

Григорій,

буфетчикъ А. И. Тѣнтѣтникова, кабацкій завсегдатай.
«Григорій назвалъ ему такое мѣсто, какого ни на какой
картѣ нельзя было отыскать, и насчиталъ 30 тысячъ слиш-
комъ верстъ, такъ что Петрушка осовѣлъ» (306).

XXIX

Перфильевна,
ключница А. И. Тюттеникова. «Ужъ я тебя не послушаюсь,
ненасытное горло!» выкрикивала ... Перфильевна (282).

xxx

Лысый Пимень,
цѣловальникъ. «Дядя лысый Пимень держитъ въ концѣ деревни
знаменитый кабакъ, которому имя было «Акулька» (306).

XXXI

Породистая дѣвка.

«У Селифана была другого рода приманка. Породистыя стройныя дѣвки, какихъ трудно было найти въ другомъ мѣстѣ» (307).

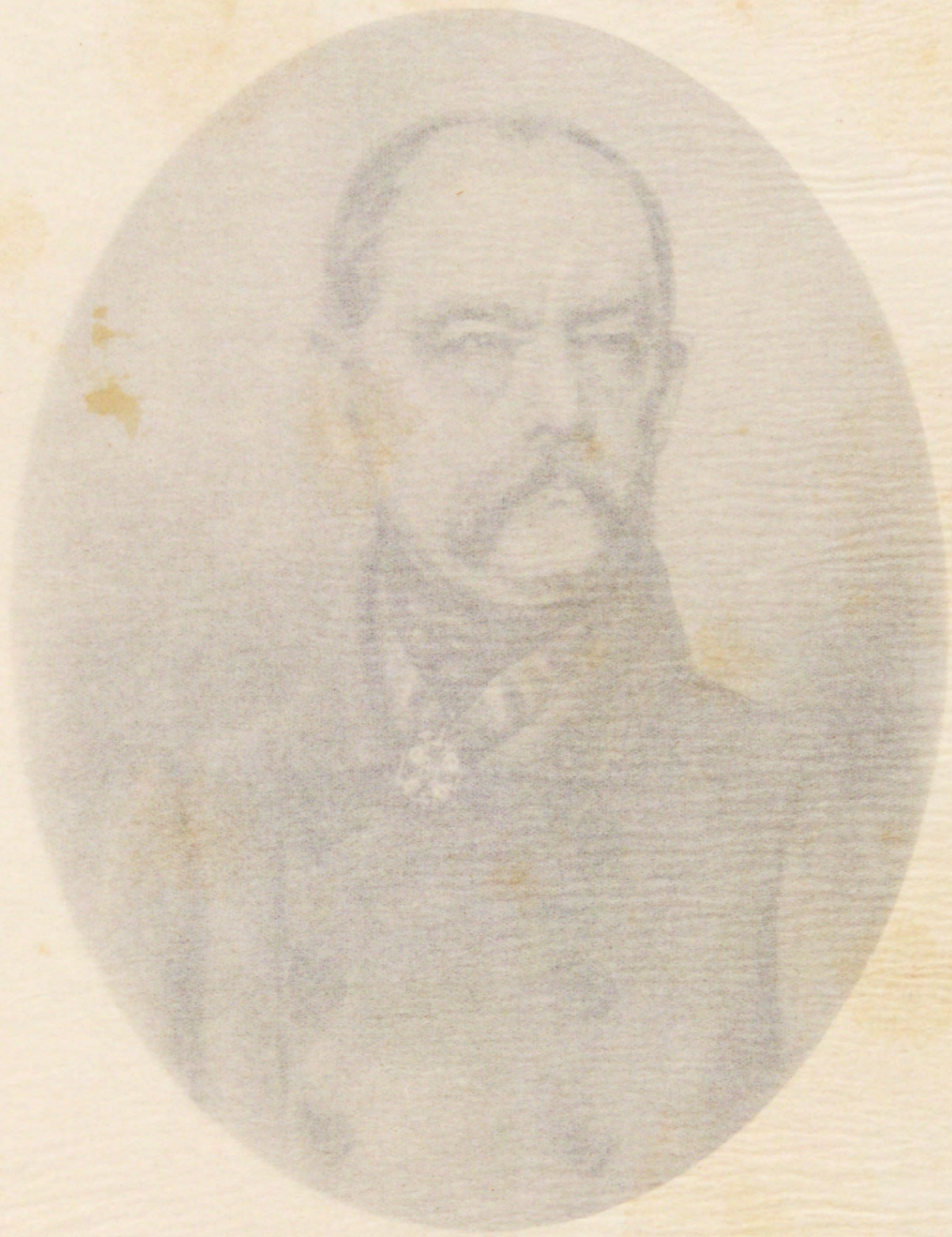

XXXII

ГЕНЕРАЛЪ БЕТРИЩЕВЪ.

«Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженія въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низшихъ чинахъ, если не уваженіе, то, по крайней мѣрѣ, робость» (312).

XXXIII

Варваръ Николаевичъ Вишнепокромовъ,
сосѣдъ Тѣнтѣтникова, отставной полковникъ. «Наипріят-
нѣйшій во всѣхъ поверхностныхъ разговорахъ обо всемъ
пріѣхалъ за тѣмъ именно, чтобы наговориться вдоволь
коснувшись и политики, и философіи, и литературы, и
морали, и даже состоянія финансовъ въ Англіи» (295).

XXXIV

Петръ Петровичъ Пѣтухъ,
ариф-арбузь. «Да отчего же скучать? Помилуйте!... Мало
дит вотъ и все. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать.
Бдѣто въ послѣднее время выдумали скуку. Прежде
никто не скучалъ» (328).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

- I. Павелъ Ивановичъ Чичиковъ.
 - II. Петрушка.
 - III. Селифанъ.
 - IV. Губернаторъ.
 - V. Полицеймейстеръ.
 - VI. Предсѣдатель палаты
 - VII. Прокуроръ.
 - VIII. Губернскій почтмейстеръ.
 - IX. Маниловъ.
 - X. Приказчикъ Манилова.
 - XI. Настасья Петровна Коробочка.
 - XII. Фетинья.
 - XIII. Иванъ Петровичъ.
 - XIV. Ноздревъ.
 - XV. Мижухевъ.
 - XVI. Губернаторская дочка.
 - XVII. Михайло Семеновичъ Собакевичъ.
 - XVIII. Плюшкинъ.
 - XIX. Иванъ Антоновичъ.
 - XX. Дама.
 - XXI. Капитанъ Копѣйкинъ.
 - XXII. Начальникъ.
 - XXIII. Учитель Чичикова.
 - XXIV. Престарѣлый понытчикъ.
 - XXV. Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ.
 - XXVI. Онуфрій Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ.
 - XXVII. Приказчикъ А. И. Тѣнтѣтникова.
 - XXVIII. Григорій.
 - XXIX. Перфильевна.
 - XXX. Лысый Пимень.
 - XXXI. Породистая дѣвка.
 - XXXII. Генералъ Бетрищевъ.
 - XXXIII. Варваръ Николаевичъ Вишнепокромовъ.
 - XXXIV. Петръ Петровичъ Пѣтухъ.
-

